

СОВЕТОЛОГИЯ: НОВАЯ ТРАКТОВКА

90-летие Октябрьской революции, которое отмечалось в прошлом году, дало новый всплеск обсуждению значимости этого исторического события. Исследователи по-прежнему придерживаются противоречивых позиций, обусловленных во многом их политическими воззрениями. Однако, видимо, пришло время по-новому взглянуть не только на сам факт революции, но и на опыт строительства советского государства в целом.

Чтобы описать и объяснить причины, ход и последствия революции в России, то есть коренного перелома жизни народа, повлекшего за собой изменение не только судьбы страны, но и судьбы, ежедневной деятельности каждого человека, советские историки употребляли один и тот же прием. Отрицая во все иные исторические периоды и во всех прочих регионах мира роль личности, низводя ее до слепого орудия в руках неких великих законов классовой борьбы, применительно к Русской революции они отводили первейшее место В.И. Ленину и его соратникам, а также бесчисленным «героям революции», совокупность действий которых и представлялась историей этой самой революции.

На вопрос о том, каким образом эти люди, значительную часть жизни пребывавшие либо в изгнании, либо в заключении, но, во всяком случае, долгое время находившиеся вне российского общества, заставили народ и это общество действовать по своей воле, и чем направлялась воля этих людей, советские ученые отвечали признанием определенной сверхъестественной одаренности, присущей революционерам, в случае с Лениным называемой гениальностью, подчинившей народы воле револю-

ции. К этим обоснованиям добавлялись также ссылки на формационную теорию К. Маркса и подробное описание сплетения различных противоречий царского периода, которое неизбежно, по их мнению, должно было привести к революционной смене коренных устоев государства и общества в целом.

Западные исследователи, а вслед за ними и некоторые современные отечественные не приняли все эти положения. Казалось бы, отвергнув утверждения советских историков, признанные предвзятыми и являвшимися продуктами социального заказа коммунистов, иными словами, все тех же революционеров и их наследников, альтернативная история должна была бы приступить к изучению предмета на новых принципах, объективных и действительно научных. Но этого не произошло.

Отказавшись в теории от воззрений советской историографии, западные и отечественные постсоветские ученые следуют ее законам на практике. Они всего лишь изменили знаки, критерии оценки положительного и отрицательно-го применительно к Русской революции.

Вместо гениальных революционеров-большевиков появились коварные властолюбцы, лишённые каких-либо нравственных качеств. Те же исторические фигуры, которые в советскую эпоху считались однозначно отрицательными, обрели в новой трактовке привлекательные полугероические черты. На вопрос о причинах совершившегося перелома, называемого революцией, этот тип историков отвечает по-разному. Либо полностью отрицаются всякие объективные причины к нему, описывается идиллическое единение государства и народа, процветание хозяйства в 1913 году, а затем торжество демократии и свободы в феврале 1917-го. Либо принимаются доводы о предреволюционном кризисе,

но при этом виновным выставляется сам русский народ, который якобы на протяжении всей своей тысячелетней истории имел единственную подсознательную цель – изыскать себе тирана-правителя, а затем изобрести способ сменить этого правителя на другого, еще более жестокого. В первом случае непонятным остается волнение, охватившее широкие народные массы, пребывавшие в якобы благополучном состоянии. Объяснение же этой перемены заговором темных сил (состав и роль их может меняться) вступает в противоречие с основной концепцией, поскольку полностью отрицает волю самого народа, который представляется в качестве бессловесного стада. Во втором случае также возникают проблемы с трактовкой воли народа. Как народ, постоянно отдававший себя на произвол жестоких тиранов, вдруг находил в себе силы менять этих тиранов? Почему тот же народ, который на протяжении столетий избирал себе правителей в виде князей и царей, вдруг переменял свою привычку и воздвиг над собой власть в форме, не только невиданной в истории этого народа, но и до тех пор вообще небывалой на Земле? Эти вопросы оставались, да и остаются до сих пор без ответа.

Вполне логично предположить, что историки, как советские, так и западные и современные отечественные, несмотря на все свои расхождения, следовали одной и той же схеме. Они предпочитали рассматривать историю Русской революции 1917 года, советскую историю в целом как некий особый период истории России, а также народов, ее населявших, в том числе белорусского народа. Если бы история как наука изучала только внешнюю сторону явлений, этого объяснения, простого и очевидного, было бы достаточно. Но история рассматривает любое явление, а также часть его и совокупность явлений во всей их глубине, потому простой и очевидной трактовки советской эпохи как очередного этапа истории – российской или белорусской – недостаточно. Вышеприведенная общепринятая точка зрения не учитывает того, что в изучаемый отрезок времени к власти пришли и у власти

находились люди, отрицавшие все прошлое своей страны, избирая из него лишь отдельные фрагменты для обоснования собственной концепции, заключавшейся в необходимости создания системы, которая способствовала бы построению не только в России, но и на всей планете принципиально новой цивилизации.

Именно цивилизации со своими политическими, хозяйственными, а также этическими и моральными законами, отличными от всего того, что знала до этого Россия, что имел в своем историческом багаже весь остальной мир.

Основатель советского государства В.И. Ленин не только никогда не скрывал, но, напротив, всячески подчеркивал, что задачи социалистической революции в России гораздо шире, чем просто построение пролетарского государства в отдельном государстве.

Сразу в нескольких своих работах («Письма издалека», «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Очередные задачи Советской власти» и др.), а также во время многочисленных выступлений он открыто заявлял о создании нового типа государства и общества не только со своими политическими институтами и экономическими процессами, но и с особой моралью, нравственностью, культурой. Вот, что, например, говорил В.И. Ленин, ставя задачи комсомолу в октябре 1920 года: «Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов. Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата» [1, с. 308]. И далее: «Классовая борьба продолжается, и наша задача подчинить все интересы этой борьбе. И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность это то, что служит

разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидającego новое общество коммунистов» [1, с. 310].

Вообще, необходимо признать, что за последние годы ученые как-то разучились грамотно анализировать теоретические труды советской политической идеологии. Речь идет не только о В.И. Ленине или И.В. Сталине, но и о Н.И. Бухарине, Л.Д. Троцком, А.В. Луначарском [2; 3; 4] и др. Мы увлеклись гонкой за секретными резолюциями, особыми папками, тайными приказами, сенсационными высказываниями, а вполне открытые и доступные политико-философские брошюры, книги и статьи руководителей большевиков стали казаться чем-то избитым и неинтересным. Но именно в них, в теоретических работах, и кроется основа, святая святых коммунистического строительства советской эпохи.

Без понимания того обстоятельства, что большевики, захватывая власть, не просто совершали государственный переворот, а делали попытку построить действительно новое общество, невозможно приступить к объективному изучению как советской истории целиком, так и отдельных ее аспектов. Осознание же этого факта позволяет подойти к поиску ответов на главные вопросы, касающиеся Русской революции и ее последствий, связанных с функционированием Советской власти. Последняя понимается здесь не буквально как «власть Советов», чего в большевистской России никогда не было, а как совокупность властных институтов советской цивилизации.

Иными словами, для серьезного изучения советского общества необходима специальная отрасль не только исторической науки, а обществоведения в широком понимании этого слова. В качестве названия ее можно использовать часто употребляемый термин «советология», который применяется для обозначения западных исследований о Советском Союзе, носивших преимущественно исторический, по-

литологический и в гораздо меньшей степени культурологический характер.

Сейчас, когда постепенно уходит в прошлое представление о тех силах и факторах, которые двигали людьми в советское время, и уже давно и безвозвратно ушло даже воспоминание о стимулах, толкавших людей на цепь действий, называемых революцией, необходима наука, которая не только с позиции современного мировоззрения судила бы, что было хорошо, а что плохо, но и учитывала бы моральные, поведенческие и иные установки человека советского.

Отечественные историки советского периода не могут быть названы советологами. Так же как не являлся египтологом жрец Манefon, который разработал схему царств и династий. Не были медиевистами и средневековые хронисты и летописцы. Советские историки, пребывавшие сами во власти коммунистического режима, не могли в полной мере раскрыть его закономерности и характерные черты. Они лишь оставляли бесценные свидетельства своего времени, давая почву для развития дальнейших исследований.

Да и западные специалисты, которых обычно и принято называть советологами, не соответствовали в полной мере этому званию. Они рассматривали советскую систему в развитии, будучи удалены от нее в пространстве, но не во времени. Для этих ученых советская цивилизация имела свое начало (в революции), но не имела завершения, что накладывало отпечаток на их труды. Кроме того, большая их часть работала в условиях жесткого противостояния двух антагонистических политических систем, а потому их исследование либо обслуживали социальный заказ своего общества, либо шли наперекор этой общей волне, что в равной степени искажало объективность исследований. В частности, известный американский ученый М. фон Хаген откровенно признал еще в начале 1990-х годов: «Сейчас советологи удивляются, насколько плохо они предвидели происходящие события... Во многих смыслах мы изучали не те явления» [2, с. 104].

Советология в ее новом понимании как особая отрасль обществоведения должна сосредоточиться на изучении трех главных аспектов советской цивилизации: 1) причин, приведших к ее возникновению, поддерживавших ее в течение нескольких десятков лет и, наконец, вызвавших ее падение, то есть основного закона этой цивилизации, 2) ее роли и места в историческом развитии России и тех стран, которые оказались также затронуты коммунистической системой, 3) взаимоотношений советской цивилизации с внешним миром. Раскрытие данных аспектов приведет к возможно более полному пониманию сути и значения советской системы.

Советология как наука, изучающая советскую цивилизацию, а равно и все ее области, сферы, где прилагалось действие субъектов этой цивилизации и куда распространялись объективные законы, ею двигавшие, призвана ответить на ряд вопросов. Каким образом массы, действовавшие в ходе революции и ответственные за нее, перенесли власть и ответственность на одну партию? Что такое политическая культура при Советской власти? В чем заключался основной механизм управления партией? Как этот механизм способствовал одновременному управлению и всей страной? В чем специфика международных отношений при Советах, и возник ли в действительности тип советского человека? Каковы причины успехов социалистического строительства в Советском Союзе? Почему после крупных достижений, в особенности после победы в Великой Отечественной войне, наступил регресс и крах этой системы? Чем отличался советский тип хозяйствования? Что считать советской культурой и какой ее вклад в мировой культурный процесс? Каждый из этих вопросов открывает обширное проблемное поле для дальнейшего изучения. Например, понятие «советская культура» не такое очевидное, каким кажется на первый взгляд. Если с представителями пролетарского искусства и соцреализма все понятно, то как быть с М. Булгаковым, С. Есениным, А. Ахматовой, Э. Неизвестным, И. Бродским, М. Шемякиным, В. Высоцким? Да, их творчество не выполняло социальный заказ коммунистического режима, но это не означает, что они находились вне рамок советского общества, не подвергались воздействию объективных факторов окружающей их среды. Приведенный пример лишний раз подчеркивает цивилизационную многослойность и многоуровневость советской эпохи. При ответе на перечисленные вопросы следует учитывать весь спектр мнений. Однако так же, как при эмпирическом исследовании отбрасываются предельные показания и результаты, в нашем случае необходимо принимать во внимание, но не рассматривать всерьез крайние точки зрения. Например, конспирологические теории (масонские заговоры и т. п.), а равно и представление о советской цивилизации как об «империи зла».

Советология в ее новом понимании как особая отрасль обществоведения должна сосредоточиться на изучении трех главных аспектов советской цивилизации: 1) причин, приведших к ее возникновению, поддерживавших ее в течение нескольких десятков лет и, наконец, вызвавших ее падение, то есть основного закона этой цивилизации, 2) ее роли и места в историческом развитии России и тех стран, которые оказались также затронуты коммунистической системой, 3) взаимоотношений советской цивилизации с внешним миром. Раскрытие данных аспектов приведет к возможно более полному пониманию сути и значения советской системы.

В нашей истории, да и в истории всего мира Русская революция 1917 года и крах СССР в 1991 году являются ключевыми, важнейшими событиями, вызвавшими тектонические изменения не только в общественной, но и в личной жизни большинства людей.

Фактически в основе любого социально-строительства на территории бывшего СССР и стран социалистического блока, вне зависимости от современной идеологической ориентации, лежит именно советский цивилизационный субстрат. В этой связи очевидно, что не только историческая наука, но и все социальнo-гуманитарные дисциплины в значительной степени должны быть направлены на изучение условий генезиса и эволюции советской цивилизации, ее наследства со всеми позитивными и негативными чертами, не отрицая его, а учитывая при прогнозировании перспектив будущего. Только при этом условии наше обществоведение сможет перейти на новый этап своего развития.

Вадим ГИГИН,
кандидат исторических наук ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин, В.И. Задачи союзов молодежи // Полн. собр. соч.: В 55 т. – 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1958–1965. – Т. 41. – 1963. – С. 301–318.
2. Бухарин, Н.И. На подступах к Октябрю. Статьи и речи (май – декабрь 1917 г.) – М.–Л.: Госиздат, 1926.
3. Луначарский, А. Бывшие люди: Очерк истории партии эсеров. – М.: Гос. изд-во, 1922.
4. Троцкий, Л.Д. Советская власть и международный империализм. – М.: Прибой, 1918.
5. Хаген, М. фон. Будущее советологии: попытка прогноза // Общественные науки и современность. – 1991. – № 4. – С. 101–106.